

В связи с этим отметим, что концепцию обнаружения следов памяти (по отечественной терминологии — диагностики наличия идеальных следов) в ходе ИПП предлагали не только российские, но и польские специалисты.

Польские специалисты разработали собственную теоретическую концепцию ИПП, названную ими «memory trace model for polygraph testing». По их мнению, ИПП «должно репродуцировать следы памяти» и концепция применения полиграфа «базируется исходя из условия обнаружения следов памяти уголовных преступлений»¹.

Отметим, что в 2016 г. D. J. Krapohl (президент American Polygraph Association (APA) в 2006 г., заместитель директора Национального центра оценки достоверности МО США) в статье «Paradigm shift: Searching for Trace Evidence in Human Memory» указал на ведущую роль в различных психофизиологических исследованиях выявления «присутствия или отсутствия следов преступления в памяти», и пояснил, что «большинство крупных полицейских департаментов уже имеют технологию, которая может определять, имеют ли подозреваемые воспоминания о преступлении — это полиграф»².

Опираясь на имеющиеся научные данные и результаты собственных исследований, специалисты ФСБ России, в соответствии с приказом ФСБ России от 23 июня 2011 г. № 277 (с изменениями и дополнениями от 12 мая 2015 г.) «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях федеральной службы безопасности» определили типовую экспертную задачу СПФЭ как «диагностику наличия в памяти человека информации о событиях прошлого с использованием полиграфа».

Новожилова Е.В.

Искажение и подмена речевого материала экспертом-лингвистом

Речь в судебной экспертизе — уникальный материал в том смысле, что он легко подменяем как до начала экспертного исследования, так и в ходе него.

Это связано, в частности, с тем, что и процессуальные документы, и тексты экспертных заключений точно так же являются речью. Заключение речеведческой экспертизы — это речь внутри речи, и если в начале производства экспертизы происходит идентификация объекта

¹ Krzyżaczin A. The Debate Over Polygraph in Poland // Polygraph. 2000. V. 29. № 3. P. 227.

² Krapohl D. J. Paradigm shift: Searching for Trace Evidence in Human Memory. The Police Chief. February 2016, P. 52–55.

и установление его границ, то в дальнейшем, при написании заключения исследуемая речь «обрастает» речью самого эксперта и может возникнуть операциональная ошибка — неразличение собственной и исследуемой речи.

Неразличение бывает как обширным, так и фрагментарным. Известно, что любой пересказ в речеведческой экспертизе есть подмена объекта. Менее заметны перефразировки — изменение отдельных слов, фраз или предложений. Между тем перефразировки встречаются в заключениях довольно часто. Они могут сопровождаться характерными для пересказа вводными и вставными конструкциями — «иными словами», «по сути», «иначе говоря» и т.д., могут вводиться и фразами вида «по мнению говорящего», «автор утверждает, что» и т.п.

Кейс № 1. Заключение комплексной психолого-лингвистической экспертизы № 131/Э от 6 марта 2018 г., выполненное Центром судебной экспертологии им. Е. Ф. Буринского ЮФУ, г. Ростов-на-Дону.

Говорящий: «Вы знаете, что в нашей республике полный геноцид и террор идет на наш народ, не переставая, с сорок четвертого <года> и дальше, с тридцать седьмого <года>, не переставая, этапами, если не давали вздохнуть, по сей день», «Вовсю разрушают нашу республику», «в каждом селе продают наркотики, продают спиртное, делают прелюбодеяние и все грязное», «По СПИДу мы на первом месте, почти в каждом доме больные раком, туберкулез у нас есть, медицину полностью разломали, катастрофу сделали, здравоохранение, образование уничтожили», «Если пойдешь в суд, негде требовать права, если пойдешь в прокуратуру, негде требовать справедливость <...> в правительство если пойдешь или в администрацию, негде требовать справедливость», «то, что везде творится, то, что вы сделали с народом».

Эксперт: «Иными словами, по мнению автора видеозаписи, в настоящее время в республике царит несправедливость, геноцид и террор, все сферы разрушены <...> в этом виноваты, исходя из текста видеозаписи, властные структуры республики».

Перефразируя высказывания говорящего, эксперт подменяет эти фрагменты его речи своей собственной речью при помощи вводной конструкции «иными словами». При этом он не замечает, что говорящий систематически использует такой образный прием, как гипербола (преувеличение) — вся композиция его видеовыступления построена на этом. А значит, яркая экспрессивная лексика — «геноцид», «террор», «катастрофа» и др. — употребляется им отнюдь не в прямом номинативном значении. В перефразировке же используется прямое значение этих слов. Так перефразировка перестает быть семантическим эквивалентом исходной речи, даже если содержит тот же набор лексем.

Кейс № 2. Заключение комплексной лингвистико-религиоведческой экспертизы № 53 от 30 декабря 2016 г., выполненное Центром лингвистических экспертиз и редактирования БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа.

Вопрос, поставленный на разрешение экспертов: «Имеются ли в представленных на исследование материалах высказывания, направленные на вовлечение других лиц в деятельность террористической организации <...>? Если да, то какие именно?»

Говорящие: «дома вчера в своем в телевизоре проверил, думаю, может, они туда, туда могут засунуть <записывающее устройство>», «Я считаю, что это должен все равно разговор быть тихо. — Как к Аллаху. — Как к Аллаху, за кулисами, то есть», «Олежка приехал. Женился <нрзб.>. — Шифруется», «Он болтун! Его слово <нрзб. 1 минута> Каникулы дают, короче, и стипендию, короче. — От этой, от этой лести можно, как говорится, да, в разные направления разговоры увидеть, ну, если необходимость есть. Все равно больше <нрзб.> цель <нрзб.> это будет сближение с людьми, выявление разрушающих, выявление, потому что надо выявлять их, и работа с ними индивидуально, потом будет разобраться дальше. — Ну да. Это в принципе <нрзб.>», «обязательно все люди должны это понять, мы будем делать только то, чтобы людьми двигала именно вот эта духовная часть, акыда двигала. То есть, что мы им должны от этого как, вообще от этой отстраниться, вот от этой, да, потому что Аллах, субханалла тагаля <нрзб.> Аллах, субханалла тагаля, говорит, да: ни эти, ни эти недостойны, чтобы вы, с ними жизнь проводите если, как говорится, ну, этот, мучились. <...> — Да-а. Мы попадаем в мясорубку <войны между Украиной и Россией>», «ущербное такое мышление у нас уже стало. Так мы тогда должны завидовать кому, блин? Мухам должны завидовать, мухам, которые живут под хвостами у коров, и тепло и еда рядом», «В наших словах есть некая здравая, здравый смысл есть. — Ну да. Вот это видят, что это все на лечение», «<В фильме герой зашел к царю> и с ним говорит как с простым человеком. “Кто такой?” — “Я, говорит, пришел оттуда, оттуда-то оттуда, чтобы вас призвать вот из этой нишеты”, — говорит, они там все в золоте, а он говорит им “нишета”, говорит — “из этой темноты к свету”».

Вывод экспертов: «В представленных видеоматериалах имеются высказывания, содержащие призывы, направленные на вовлечение людей (и самововлечение) в агитационно-пропагандистскую, политико-идеологическую деятельность террористической организации <...>, а также на планирование деятельности членов данной партии и упорядочение их действий. В частности: ‘1. Члены организации должны: <...> скрывать (шифровать) принадлежность к организа-

ции, не привлекать к себе внимания при осуществлении массовой пропагандистско-призывной деятельности <...> “отстраняться” от “недостойных” <...> выявлять тех, кто препятствует осуществлению деятельности (“разрушающих”), ориентировать последних в складывающейся обстановке, “разбираться” с ними, работая индивидуально <...> призывая людей “из темноты к свету”, т.е. к исламу и в партию <...> “лечиться”, избавляясь от “ушербного мышления”, и “лечить” других <...>».

Здесь ответ на вопрос «Если да, то какие именно?», предполагающий цитацию исследуемой речи, представляет собой полностью речь экспертов, которая заключена с обеих сторон в лингвистические кавычки. Исследуемая речь присутствует в выводе лишь в следовых количествах — в виде отдельных слов, вырванных из контекста. (А фрагмент о «разрушающих» взят из контекста преимущественно неразборчивой речи.)

Само по себе употребление лингвистических (марровских) кавычек и в научных работах филологов, и в словарных статьях, и в экспертных заключениях не является предосудительным. Но такие кавычки всегда маркируют речь, производную от первоначальной, то есть иной речевой объект. Поэтому подобное оформление вывода экспертов корректно с точки зрения филологии — а с криминалистической и судебно-экспертной точки зрения это полная подмена объекта исследования. Это пересказ, и в данном случае он возник на завершающей стадии экспертизы.

Итак, и пересказ, и его микроразновидность — перефразировка — суть операциональная ошибка речеведческих экспертиз: неразличение собственной и исследуемой речи. Исследуемая речь в том или ином объеме замещается текстом, авторство которого принадлежит эксперту и в котором всегда меняются, сдвигаются значения слов, а значит, он не является семантическим эквивалентом исходного речевого объекта. Речевой объект перестает быть неизменным, он обновляется — и с момента его обновления экспертиза теряет связь с фактом произнесения или написания исходного речевого произведения, то есть становится неотносимым доказательством.

Как избежать этой ошибки? Эксперту-лингвисту необходимо всегда, а не только при вскрытии конверта с поступившим на исследование материалом, помнить о границах исследуемой речи. Необходимо придерживаться правила неизменности речи. Эта задача должна быть вполне посильна для тех, кто профессионально работает с речевыми произведениями.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Материалы VII Международной
научно-практической конференции
г. Москва, 17–18 января 2019 г.

Библиографическая ссылка: Новожилова Е.В. Искажение и подмена речевого материала экспертом-лингвистом // Материалы VII Международной научно-практической конференции "Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях" (МГЮА, 17–18 января 2019 г.). М.: РГ-Пресс, 2019. С. 350–353.

УДК 340.6
ББК 67.5
Т33

Редколлегия сборника:

Россинская Е. Р., профессор; Слепнёва Л. И., доцент; Неретина Н. С., кандидат юридических наук; Лебедева А. К., кандидат юридических наук.

Т33 Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы VII Международной научно-практической конференции. — Москва : РГ-Пресс, 2019. — 704 с.

ISBN 978-5-9988-0786-2

17–18 января 2019 г. в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина» (МГЮА) состоялась VII Международная научно-практическая конференция «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». Инициатором и организатором конференции выступил Институт судебных экспертиз при содействии кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) и Автономной некоммерческой организации «Содружество экспертов МГЮА имени О. Е. Кутафина».

В сборник вошли представленные участниками конференции материалы, в которых рассматриваются проблемы теории судебной экспертологии, правового, организационного и методического обеспечения судебно-экспертной деятельности, подготовки и переподготовки экспертных кадров.

Тезисы выступлений и статьи печатаются в авторской редакции в алфавитном порядке по фамилиям авторов. Мнение автора не всегда совпадает с точкой зрения редакции.

Для научных работников, студентов, аспирантов и преподавателей вузов, практикующих юристов, а также широкого круга читателей, проявляющих интерес к судебным экспертизам.

УДК 340.6
ББК 67.5

Сборник подготовлен с использованием СПС «КонсультантПлюс».

Научное издание

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Материалы VII Международной
научно-практической конференции

Подписано в печать 26.12.2018. Формат 60×90 1/16.

Печать цифровая. Печ. л. 44,0. Тираж 150 экз.

ISBN 978-5-9988-0786-2

© Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2018